

Сюй Чэн и Ван Лэюань взяли по кусочку, не прожевав и пары раз, лица их скривились, и даже богоподобный контроль над выражением лица не сработал.

Цзян Юйнин даже притворяться не стал — для него съесть такое лучше умереть, в конце концов, с его положением съёмочная группа всегда сможет смонтировать для него идеальный образ.

Лишь Янь Жунцю, взяв небольшую пиалу риса, молча съел примерно по пятой части от каждого из четырёх стоявших на столе никем не тронутых блюд. Весь процесс он проходил без особых эмоций, просто тихо и изящно ел пищу перед собой, под мягким, тонким, как крыло цикады, светом серебряных подсвечников, представляя собой картину, приятную взору, словно тщательно выписанная маслом.

Остальные явно слегка опешили.

В представлении внешнего мира Янь Жунцю был железным, непробиваемым, словно высокопроизводительная точная машина, ведущая корпорацию Янь, этого крокодила, к поглощению всех конкурентов, все действия руководствуются лишь расчётом, исключая любые эмоции. Никто и не подозревал, что у него есть и такая сторона.

Заметив взгляды окружающих, Янь Жунцю отложил палочки, вытер губы салфеткой и спокойно произнёс:

— Я не люблю, когда напрасно пропадает чей-либо труд.

— Что это за труд такой? — Цзян Юйнин склонил голову, глядя на тонкие губы Янь Жунцю, отливавшие лёгким блеском, и не удержался от тихого насмешливого замечания. — Это же сплошной брак, разве нет?

— Всё, что добыто усердием, заслуживает уважения, — голос Янь Жунцю был чистым и спокойным, словно воды древнего колодца без единой волны.

Тьфу, опять строит из себя. Посмотрим, как долго ты ещё сможешь.

Цзян Юйнин мрачно сдвинул брови, взгляд потемнел. К счастью, он сидел в тени, почти сливаясь с темнотой, так что скрытые эмоции и мысли остались незамеченными для остальных.

После ужина все разошлись по комнатам мыться и спать.

Янь Жунцю сегодня переел, да ещё и не самой нормальной пищей, в желудке было некомфортно тяжело, поэтому он решил немного прогуляться снаружи перед возвращением.

Узкая тропинка из гальки, по обеим сторонам густые мангровые заросли, в слегка солоноватом влажном морском бризе шелестели, словно над головой медленно перемещалась целая пустыня.

Янь Жунцю поднял голову и увидел звёздное небо, полное ярких огней.

В городе нет звёздного неба, лишь беспредельная ночная мгла. Такую роскошную звёздную реку — сколько же лет он её не видел?

Янь Жунцю помнил, что очень давно, когда отношения между родителями ещё были хороши,

по крайней мере внешне сохраняли видимость гармонии, не как позже, когда они провели чёткую границу, по одну сторону которой был Янь Мин, проводящий время с цветами и ивами, утопая в роскоши, а по другую — Вэнь Линсинь, погружённая в чтение, живопись и музыку. Он же, естественно, провалился в вакуум между двумя этими мирами, став нежеланным человеком.

В общем, когда Янь Мин и Вэнь Линсинь ещё были готовы играть в супружескую пару, они как-то взяли Янь Жунцю, только поступившего в среднюю школу, на лето в загородный дом.

То место, как и Сихэнчжоу, каждую ночь, если поднять голову, открывало вид на далёкую-далёкую Млечный Путь.

Поскольку жили они неподалёку от детского приюта, иногда ночной ветерок доносил пение детей в часовне, звуки гимнов, делая сияющий небосвод особенно высоким и святым, словно над облаками и впрямь существовало всемогущее божество, с любовью взирающее на множество живых существ.

Однако, как доказала практика, божества не существует. А если и существует, то к Янь Жунцю оно не благоволит.

Иначе почему вскоре после возвращения ему пришлось столкнуться с той абсурдной, отвратительной до безобразия сценой.

Даже сейчас, вспоминая ту ситуацию, Янь Жунцю не может сдержать дрожь и тошноту, отвращение и ненависть поднимаются бурлящим потоком.

Он опустил голову, не желая больше смотреть на небо. Будто мерцающий свет бесчисленных звёзд рассыпался на его сердце остро отточенными гвоздями.

Пора возвращаться.

Янь Жунцю надавил на область желудка и ускорил шаг по направлению к вилле. Войдя в главные ворота, поднявшись на второй этаж, он обнаружил, что весь коридор погружён в тишину.

Он предполагал, что в такой поздний час Хэ Чжу уже должен спать, поэтому тихонько открыл дверь, но не ожидал, что в гостиной всё ещё ярко горит свет, а Хэ Чжу с кем-то разговаривает по телефону.

— Папа, я уже говорил, я не пойду.

— Если я приду, то только испорчу настроение вашей семье, к чему это?

Услышав это, Янь Жунцю невольно замер: Хэ Чжу словно стал другим человеком?

Известный ему Хэ Чжу, что бы ни говорил, оставался холодным и невозмутимым, словно докладывая о работе, без намёка на эмоции. Но эти несколько фраз прозвучали весомо и звонко, даже интонационные колебания были выверены идеально, под элегантным, чарующим тембром сквозила переполняющая насмешка и сарказм, можно было представить, насколько он презирает человека на том конце провода.

Услышав сзади звук открывающейся двери, Хэ Чжу явственно застыл. Он быстро положил трубку, потянулся за очками на журнальном столике, надел их, встал и повернулся к Янь

Жунцю.

— Господин Янь, вы вернулись.

Тон ровный, без колебаний, почти заставил Янь Жунцю усомниться, не показалось ли ему всё услышанное ранее.

— Извините, что побеспокоил вас.

Хэ Чжу поднял руку и медленно поправил очки.

— Всего лишь некие несущественные мелочи.

Янь Жунцю промычал в ответ и направился к раковине мыть руки. Подняв взгляд после мытья, он случайно увидел в зеркале отражение спины Хэ Чжу. Люминесцентная лампа отбрасывала его длинную тень на пол, что выглядело особенно безмолвно.

Кончики пальцев вдруг занули, и Янь Жунцю вспомнил, что на руке у него всё ещё есть порез, и мочить его не стоит. К счастью, рядом с раковиной уже предусмотрительно лежало чистое, мягкое белое полотенце, а на нём — детский пластырь с изображением милой и забавной семьи Нона из «Креёна Син-тяна».

Янь Жунцю на мгновение заколебался, не решился развернуть такой милый пластырь и убрал его в карман.

— Господин Янь, — Хэ Чжу вышел из ванной, рукава рубашки закатаны до середины, обнажая чётко очерченное предплечье. — Температура воды уже отрегулирована, пожалуйста, идите принять горячую ванну и пораньше ложитесь отдыхать.

Янь Жунцю кивнул, поблагодарил и, проходя мимо, спокойно сказал Хэ Чжу:

— Иди спать первым. В дальнейшем такие бытовые дела не стоит за тебя делать.

— Почему? — Хэ Чжу шагнул вперёд, точно преградив путь Янь Жунцю, и спросил его своим магнетическим, соблазнительным голосом. — Я что-то сделал не так?

Глухой конец фразы Хэ Чжу заставил барабанные перепонки Янь Жунцю слегка онеметь. К тому же, хоть и не было видно глаз Хэ Чжу, ему постоянно казалось, что на него устремлён горящий взгляд, отчего он почувствовал лёгкое беспокойство, а сердце забилось чаще.

— Ты делаешь всё очень хорошо, просто...

Хэ Чжу приблизился ещё немного.

— Просто что?

Янь Жунцю отступил назад, но упёрся спиной в твёрдую стену.

— Ты — выдающийся талант. Тратить время и силы на заботу о быте работодателя — это расточительство.

Помедлив, он серьёзно добавил:

— Не самое эффективное использование ресурсов.

Выслушав это, Хэ Чжу промолчал, а спустя мгновение вдруг тронул уголки губ, изогнув их в полную заинтересованности усмешку.

— Вы правы, действительно не самое.

— Так что, господин Янь, я надеюсь, что однажды вы сможете по-настоящему...

Он слегка приблизился.

— Хорошо использовать меня целиком.

В ванне и вправду уже была набрана горячая вода, лёгкий пар струился, в воздухе витал нежный, сладковатый, увлажняющий аромат — соль для ванн с запахом белого персика.

Янь Жунцю снял одежду и медленно погрузился в горячую воду. Тёплая нега обволакивала его, успокаивая каждую клеточку тела, и даже возникло чувство облегчения, словно после спасения от катастрофы.

Тот только что бывший Хэ Чжу действительно заставил Янь Жунцю почувствовать некоторый страх. Не в истинном смысле боязни, а то ощущение давления, породившее тонкое чувство, будто он находится под его контролем.

Янь Жунцю немного погрузился глубже, выпустив вереницу пузырьков.

Всерьёз поразмыслив, он наконец нашёл разумное объяснение поведению Хэ Чжу.

Всё оказалось так просто, стоило только приложить минимальные умственные усилия.

Хэ Чжу, должно быть, хочет поскорее получить повышение и прибавку к зарплате, поэтому так усердно старается проявить себя перед ним, даже прямо заявив о желании получить больше возможностей для применения своих талантов.

Видимо, впредь стоит уделять больше внимания психологическому состоянию сотрудников, иначе даже не будешь знать, о чём они думают.

За пределами ванной, в гостиной, по-прежнему ярко горел свет. Хэ Чжу сидел перед ноутбуком, просматривая только что полученный квартальный финансовый отчёт кинокомпании Сижэнь. Выручка за отчётный период составила 25,07 миллиарда юаней, рост на 26% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Хотя целевые показатели ещё не достигнуты, удержать позицию лидера на внутреннем рынке развлечений и кинопроизводства, должно быть, не составит проблемы.

<http://bllate.org/book/15591/1388498>